

Арсений Лебедев

О том, как меня стали ненавидеть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арсений Лебедев

О том, как меня стали ненавидеть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67888623

SelfPub; 2022

Аннотация

Ничем не примечательная поездка на день рождения племянницы оборачивается классической историей в духе телепередачи "Пусть говорят" Андрея Малахова

Содержит нецензурную брань.

Арсений Лебедев

О том, как меня стали ненавидеть

Двоюродная сестра, когда выслушала мою историю про наших племянницу Машу и четвероюродную сестру Сашу, правильно подметила, что вся эта ситуация была архетипичным сюжетом для популярной некогда передачи со ставшим уже нарицательным названием «Пусть Говорят» Андрея Малахова, а то, что произошло со мной, было в высшей степени несправедливостью судьбы.

Но, погодите-ка... Когда это судьба поворачивалась к нам лицом, а не задницей, предлагая её промеж булок поцеловать вместо губ, мол, большего не заслуживаешь? И простите за такое вульгарное сравнение, но от злости другой ассоциации уже не возникает! Так вышло и в этот раз...

Началось всё с того, что однажды в гости к нашей семье пришёл мой троюродный брат Юрка с женой Оксаной и некоей странной доселе незнакомой мне особой. Оказалось, это была ещё одна моя троюродная сестра Марина. Попросила, чтобы я стал крёстным отцом для её дочери Оли, ибо более подходящих под церковный канон кандидатов просто не было.

– А точно ли можно? Мы же всё-таки родственники...

– Можно, можно! Седьмая вода на киселе! – отвечает сестра. Кто не знает, это означает, что родство уже настолько дальше, что можно и крёстным папой быть, и в брак вступить, и так далее.

Ну, я и согласился. Раз вдруг внезапно обрёл родственников, о которых не знал всю жизнь, грех им не помочь. Родня всё-таки.

Да и вообще это круто, когда у тебя появляется неожиданно-негаданно пополнение в семье в виде ранее незнакомых родных. Раньше жил, да жил себе с мыслью, что у нас семья маленькая: папа, мама, я, и отцовские сёстры с дочерьми, да у матери две тётки. Осталось ещё в этот список кошку, собаку и мышку, и скоро уже репку вытянем. А тут, оказывается, у батьки были двоюродный брат и сестра, подарившие мне двух троюродных братьев и сестру! Разве не классно?

С чем можно сравнить появление в твоей жизни новых родственников? Да только с индийским кино, пожалуй, с их неожиданными поворотами, когда два незнакомых прежде человека вдруг оказываются родными братьями или сёстрами, а потом танцуют под очередную весёлую и зажигательную песню с восточными напевами. Весело и приятно. Так однажды окажется, что и Путин – мой дальний родственник, и я, наконец, смогу сбросить с себя лицемерную маску вычурного либерализма, еле закрывавшую опухшую от чрезмерных амбиций рожу, и смогу уже, наконец, воровать государственный бюджет в библейских масштабах, одновремен-

но поглядывая на остальных россиян, как на нищевродов, неудачников и тараканов под ногами. Впрочем, даже и те скромные родственники, что мне открылись, наверняка бы смогли поддержать в трудной ситуации, так что Господа нашего Бога Отца, Сына Христа и Святого Духа за то, что не родился в нужной семье, я никогда не винил.

Короче говоря, минусов реально нет. Чувствуешь себя не таким одиноким. Да и теперь не так сильно ругаешь маму с папой, что не подарили тебе братика или сестрёнку, а выдавили из себя в этот мир меня одного единственного, потому что кроме меня теперь, оказывается, в нашей большой семье есть ещё целое множество близких мне людей. А если вы, как и я намного позже, полностью или отчасти вольётесь в русло русского консерватизма, то оно ещё лучше! Консервативные идеи ведь так и гласят, что семья – главное! Семья – важнейший залог здорового патриархального, традиционного общества! И сколько подвоха ни ищи, ты всё равно его не найдёшь, если не придерживаешься, конечно, прямо противоположных взглядов на общество и семью. Важно только, чтобы среди членов семьи было как можно меньше идиотов.

Тогда мне казалось, что мои точно не могут быть этими самыми идиотами. Беды не предвещало абсолютно ничего. Мы удачно крестили мою племянницу, бахнули водки сто граммов, чтобы это дело успешно обмыть, и попутно закусили вкуснейшими соленьями. А ещё я неожиданно для себя обнаружил, что у крестницы была сестра – соответственно,

ещё одна моя племянница.

В тот день она мне особо ничем не запомнилась кроме того, что ответственно следила за младшей сестрой и ещё одним племянником – сыном моего брата. Так что пока и зацикливаться на ней не будем.

Что до племянника, звали его Сеня – матершинник лютейший в свои четыре года от роду. Но главное не то, что он ругался уже в таком возрасте, а то, что даже при взрослых браниться не стеснялся! Мама с папой же ничего с этим не делали не потому что не могли, а потому что не хотели. Мол, уже столько раз разговаривали, и всё без толку. Только ремня, пожалуй Сеня и не получал. Как говорят мама с папой, слов гадких нахватался от какого-то деда из деревни, в которую они ездили в отпуск – по жизни того ещё любителя крепкого словца вставить. Хочется подобных порою спросить, какого чёрта они матерятся при детях, но предъявлять что-то деревенскому алкашу априори бесполезно. Я помню, когда начал материться, был возрастом всего на четыре года старше Сени, научившись матюкам от одного пацана во дворе, обожавшего браниться. Сам он, судя по сквернословию матери, не мог этих слов не выучить раньше положенного по возрасту срока. Чтобы вы понимали разницу в воспитании его, Сенину и мою, я один раз при матери матюгнулся, так она меня чуть не убила. Родители Сени же, как видите, махнули рукой, да и в целом всё.

С того времени прошло года три, не меньше. Мы с роди-

телями тем летом решили съездить в гости к Марине и её матери в Лоухи. Я с моей мамой просто погулять, погостить, а отец с конкретной целью порыбачить и хорошо отдохнуть. В те дни и пришло время мне познакомиться с троюродной племянницей ещё раз.

Прошлым вечером моя мать, мама Сени и Маринка знатно напились. И ладно я уснуть не мог, но через что в ту ночь пришлось пройти соседям, и говорить не хочется. В итоге уснул только под утро, сумев отрубиться минут на тридцать. А потом они вновь начали орать, визжать и хохотать, доводя меня чуть ли не до истерики.

И вот утром после ночёвки у подруги домой возвращается эта самая племянница Маша. Ей к тому времени уже было пятнадцать, девочка взрослая. Лучше стала формами, выглядела более ухоженной, да и вообще куда привлекательнее, как мне показалось, хотя три года назад я видел её мельком ещё 12-летним ребёнком. Что я тогда мог запомнить, да и что интересного в ней в то время было...

Она говорит:

– Здравствуйте!

Я в полусонном бреду отвечаю:

– Привет, – потом забываю, что здоровался, и снова привет. Потом вновь и снова вновь, и снова вновь, а она всё сидит, да посмеивается.

Таким было наше второе знакомство. И, может быть, оно выглядело странным, но буквально уже через неделю дало

свои плоды. Мы добавили друг друга в друзья в социальных сетях, там и начали общаться. Правда, разговоры наши были весьма... Странными?

Да это не то слово странные! Я не буду врать: был удивлён, потому что сталкивался с подобным впервые.

При общении она не стеснялась говорить мне ни о чём. Абсолютно. Её жизнь – типичные вагиностррадальческие муки любого подростка женского пола вперемешку с русской тоской. Она ведала и о том, как ругается с матерью, как та её била, про первый поцелуй с мальчиком год назад и бабочки в животе от того, что сфотографировалась с первым красавцем школы. К этому прибавлялись попойки на хатах и попытки курить с подружками (к счастью, неудачные) на заброшках, две попытки и неувядающие хотелки покончить с собой, а также искренняя любовь к российскому реперу Нойзу MC и к стихам Есенина. А до кучи, конечно, сны, например, о том, как она спит в обнимку в кровати со всеми своими кумирами, будто те стали её мягкими игрушками. И ещё много, много, много другого.

Особенно мне запомнилась, как она со слезами на глазах рассказывала мне про своего шпица по кличке Черныш. Как-то вышла с беднягой гулять на улицу, где на них напала стая одичавших собак. Маша с испугу выронила собаку, успела только в парадную забежать, а беднягу Черныша псы растерзали как Тузик грелку, отчего девочка (ей на тот момент было 13 лет) впала в истерику. Собаку спасли в итоге только чу-

дом. Бедняга теперь с седой мордочкой ходит и боится всего на свете. А у Маши детская травма теперь на всю жизнь.

А теперь вопрос. А с какого перепугу такая откровенность с человеком, которого добавила в друзья неделю назад? При этом я же мог в любой момент рассказать её матери про попытки суицида, про «шуточные» самопорезы ножом, так что отговорка, мол, я родственник, поэтому можно рассказывать, не работает! И это все понимают в любом возрасте. Наоборот, кому, кому, а родне такие подробности знать ни к чему. Почему она не боялась, почему была так открыта?!

А часто ли с вами в общении, познакомившись по-человечески всего пару недель назад, начинают тут же рассказывать обо всех тайнах и морально-нравственных терзаниях? Правильно, единицы лишь скажут, что такое с вами в принципе бывало, и ещё меньше заявят о высокой частоте таких случаев. Не может человек адекватный быть настолько глупым и наивным, чтобы раскрывать фактически незнакомому человеку тайны своей личной жизни за исключением особо уникальных в плане доверия или безмозглости уникамов! Итог каков? Правильно. Она влюбилась.

Конечно, можно было и сослаться на то, что ей на тот момент было пятнадцать лет. У девочки ветер в голове, поэтому и такая откровенная. Но вы сами себя в эти годы вспомните! Много ли кому кроме своих друзей рассказывали абсолютно обо всех переживаниях и тайнах жизни?

Перед этим, чтобы убедиться в своих выводах, я спросил

кучу своих друзей и знакомых, не ошибаюсь ли в предположениях? И все были со мной согласны. Если это не любовь, то тогда абсурд.

Но если она влюбилась в меня, то мог ли я ей искренне ответить взаимностью? Ответ: ни тогда, ни тем более сейчас нет. Скорее было мило наблюдать за тем, как незнакомый человек рассказывает тебе обо всех своих секретах, снах и переживаниях, не утаивая ничего, пишет тебе, не стесняясь, не побаиваясь, что я что-то раскрою родственникам. Сто процентов доверия без ожидания подвоха. И это было невероятно клёво. Пожалуй, ещё никто не оказывал мне такой чести доверить все тайны своей жизни.

С другой же стороны стань она моей женой, было бы неплохо. Во-первых, я был абсолютно уверен, что она девственница. И если бы спала только со мной, большего и не надо – жизнь удалась. Найти в двадцать первом веке девственницу – задача для Шерлока Холмса, не иначе. Ведь как ни крути, хочется, чтобы ты у неё был первый и последний на всю жизнь. Верность это клёво. А ещё классно, что тебя не заразят какими-нибудь венерическими заболеваниями. Во-вторых, в случае чего мы с Машей могли давить друг на друга через родственников. Ни она бы не посмела наделать мне гадостей, ни я ей. А уж поднять на неё руку и подавно. Меня бы потом родня удавила за это, узнай, что такое происходит. В-третьих, если у человека такое доверие ко мне, что рассказывает обо всём, то и в остальной жизни тайн ника-

ких не будет. Если у человека нет чёрных пятен биографии, с ним всегда проще, чем постоянно ожидать, что из чёрных дыр души твоей женщины постучатся демоны, которые не постесняются испортить прекрасную семейную идиллию нашествием тараканов прошлого из головы, обожающих пожирать разум людей, пострадавших от неприятных и токсичных отношений.

Главное, в чём я был уверен, нужно обязательно дать ей полную свободу выбора и не позволять себе даже маломальского давления. Пусть сама решает, нужен ли я ей или нет.

Единственный минус заключался в том, что она троюродная племянница. Придётся приложить максимум усилий, чтобы доказать друзьям и знакомым, что седьмая вода в киселе это уже не инцест, либо не говорить никому о нашем родстве. Хотя с другой стороны чего стесняться? Если боимся кровосмешения до такой степени, то нельзя забывать, что все мы дети Адама и Евы (неважно библейских, либо тех самых австралопитеков, впервые вставших на землю двумя ногами), потому являемся дальними родственниками друг другу.

Однажды, помнится, я уже рассказывал одной знакомой, что нравлюсь своей троюродной племяннице не как дядя, а как объект для любовного интереса. Она в ответ поперхнулась от инцеста и вспомнила, как танцевала со своим потным, вонючим и жирным двоюродным братом, осознав тогда, что не легла бы под него ни за какие коврижки. Я пари-

ровал тем, что троюродная племянница – седьмая вода на киселе, а в исламе вообще двоюродным братьям и сёстрам можно в брак вступать. Сношаются, детей строгают, как на конвейере, и вроде как ещё не выродились. На кисель она в ответ ничего не ответила, недвусмысленно лишь напомнив про ислам, что мы – русские либо атеисты, либо православные христиане, а значит у нас так не принято, с чем я спорить даже не собирался. Но вдруг внезапно осознал, что объяснить всё друзьям и знакомым станет невероятно сложно. А я всё-таки в довольно консервативной среде вырос, чтобы среди моего круга общения ещё инцест поощрялся, притом даже такой семикисельный. Очевидно было, что наше даже дальнейшее родство пришлось бы скрыть, чтобы не выглядеть в чужих глазах извращенцами. А раскрытие тайны, как вы понимаете, может повлечь за собой скандал с далеко идущими последствиями. Так что такие отношения могли вполне оказаться накладными для нас обоих.

Впрочем, мои рассуждения на эту тему оказались бесперспективными, ибо есть у меня свойство весьма оперативно превращать всё в руины, даже толком не успев залить строительную площадку под дом железобетонным фундаментом.

Хватило ума в одной из бесед с Машей прямо сказать, что она моя троюродная племянница. Сразу после этого она резко сократила со мной время общения, перестав делиться секретами своей личной жизни. Очевидно, то, что мы родственники, пусть и не близкие, для неё стало настоящим шо-

ком. Этим и объяснялось, кстати, её бесстрашие, когда откровенничала со мной: явно думала, что я её маме в случае чего ничего не расскажу, потому что друг другу чужие люди. В дальнейшем же, когда я двусмысленно намекал на отношения, брак и любовь, она намёки понимала и в ответ недвусмысленно отвечала, что мы таки родственники, потому надеяться нам не на что.

С одной стороны забавно, с другой грустно, что вот так всё и заруинил, хотя было интересно слушать обо всех её переживаниях и душевных терзаниях, а теперь уже мне больше ни о чём сокровенном Маша не поведаёт. И вроде я должен бы на этом месте остановиться, но мой девиз – слабовумие и отвага, и напор с моей стороны стал ещё более серьёзным. Сначала отправил ей в качестве подарка жемчужное ожерелье, а спустя пару месяцев решил приехать к ней на день рождения, благо она была не против. Ещё бы – дядюшке своему отказать!

В мечтах было подарить ей букет, сделать совместное сэлфи, прогуляться вдвоём по её родному захолустью куда более захолустному, чем моё. Коли нападут на нас дикие собаки, я своим перочинным ножом героически прибую всех. Нападут гопники – тем более. Потом вернёмся домой, и она посреди ночи придёт ко мне в кровать, ляжет рядом, и у нас

будет первый поцелуй, а потом....

И ничего больше. Уж простите, девочке шестнадцать лет только-только исполняется, а я в тюрьму не хочу. Как стукнет ей восемнадцать, тогда и поговорим. Пока же на целомудрие её своими грязными руками посягать не посмею.

Вопреки мечтам, как это обычно и бывает, всё вышло в точности до наоборот. За всё время моего пребывания у неё дома видел её от силы часов восемь в совокупности. Букет ей подарил, а вот сэлфи Маша сделала еле переборов то ли страх, то ли отвращение, не пожелав даже позволить мне её обнять. Так и сфотографировались на дистанции сантиметров двадцати друг от друга. По фото даже было заметно, как она напряглась. Погулять с ней тоже не довелось. Я навязывался, сетуя на нежелание тусоваться со своими троюродными сестрой и братом, плюс со снохой, но она категорически мне отказала, что с одной стороны будет маленьким плюсом, но с другой обернётся, цитируя Александра Гельича Дугина, торжеством кринжа. Но это будет потом, а пока я оказался в окружении старпёров более чем на пятнадцать лет старше меня. Говорить же об обнимашках и поцелуйчиках с Машей в постели смысла вообще нет. Это был облом лютей, отчего, сидя на кухне и попивая водочку, вообще жалел, что в принципе приехал сюда, раз меня тут никто на деле и не ждал. Правда, я тогда ещё не догадывался о том, какой неожиданный утешительный приз будет меня ждать, но, учитывая, что будет позже, в задницу пошёл бы этот презент.

Маше успел же только сказать, чтобы звонила, если ей будет грозить опасность. Она в ответ глянула на меня как на идиота, ибо была уверена, что с друзьями ей бояться нечего. И всё. Ни любви тебе, ни помидоров.

Короче говоря, остался я один на один с троюродной сестрой Мариной и снохой Оксаной. Брат пошёл спать, если сможет, так как шумели мы порядком. Детей вроде как тоже уложили, Маша же, как я сказал, убежала в гости к подружкам праздновать день рождения дальше в их кругу. Я же думал, что остался вокруг тех, кого не понимаю и никогда не пойму в силу разницы возраста.

Оказалось же всё в точности до наоборот. Мы быстро нашли общие темы для разговора, оказалось, слушали плюс-минус одну и ту же музыку. Да и не такой серьёзной была разница в возрасте между ними в их тридцать пять и в мои двадцать два года отроду. С другой стороны, они уже были мамами, все мысли о детях, а я молодой холостяк, но, как ни странно, и это не помешало нам свободно говорить на любые темы.

Из того, что я узнал, многих, конечно, мог озадачить вопрос: а где папа моей троюродной племянницы и крестницы? Проблема была в том, что, во-первых, у них были разные отцы, а, во-вторых, они оба бедную Марину в одиночестве с детьми и оставили. О том, чем думала моя троюродная сестра, когда бездумно совокуплялась с этими особями, ставшими отцами девочек, я, думаю, мне стоит многозначительно

промолчать. Но даже если для них, да и точно для вас Марина была просто обыкновенной, залетевшей давалкой, я при всём желании не понимал, как можно отцу покидать своего ребёнка, если в нём есть хотя бы зачатки мужества и ответственности взрослого человека. Тогда в бане ругался на брата из-за того, что он, желая спать с проституткой, подвергал опасности ребёнка остаться без папы. Ругал своего друга, заставившего свою тогдашнюю возлюбленную сделать аборт: видите ли, ему хотелось и дальше гулять, а про ответственность он и слышать не хотел. Таких я осуждал всегда, буду делать это и впредь. Родителям, что бросают детей, моё искреннее презрение, будь я даже тысячу раз проклят за свои слова любителями свободы и острых ощущений без обязательств.

Почему так ненавижу? А как будет девочка, выросшая без отца к мужчинам относиться? Явно с недоверием. Отсюда разрушенные браки, измены, недоверие друг к другу. Как будет мальчик, выросший без отца, относиться к девушкам? Как к мусору, которым можно пользоваться для удовлетворения потребностей. Ведь и тот мой друг, и брат: один вырос без отца, у другого папаша из семьи ушёл, когда тот маленький был. Я понимаю, разумеется, что выводы по двум конкретным случаям делать глупо. Но вот у меня примеры перед глазами того, как дети из разрушенных семей крушили и свои семьи, неважно, настоящие или только будущие. Важно то, что такие люди с травмой ходят по жизни, и нежели что-

то строить, чаще разрушают. Такое я не люблю.

Отца Маши, например, я ещё больше начал презирать после той истории, о которой мне поведала Марина.

– А ты знаешь, он же предлагал жениться, если аборт сделаю. Но я не смогла грех на душу взять. Вот мы и разошлись. Он мне потом продолжал писать, говорил, как любит, мол, у меня ещё есть время передумать. А однажды, как мне говорили, он к ведьме пошёл. Просил ребёнка убить. Я в такое раньше не верила, но прям помню, что именно в те дни у меня чуть выкидыш не случился, потом кровь из утробы текла, остановить не могли. Я сутками напролёт Богородице молилась. Слава Богу, Маша жива осталась...

И, конечно же, в магию я не верю, но сам факт того, что этот урод её свадьбой шантажировал, лишь бы в абортарий пошла, меня жутко злил. Не дай Бог увижу, не сдержусь точно...

– Слушай! – говорит Марина, – то, что ты не женат, это непорядок. Надо тебе бабу искать.

– Ой, да сам найду... – отвечаю я, отмахиваясь рукой.

– Ты не отмахивайся! – вдруг говорит Оксана, – уже пора жениться!

– У меня есть на примете одна, – говорит Марина. Я заметно оживился, почувствовав в воздухе запах вагины, –

только есть одна проблема с ней. Она старше тебя.

– Ну, что поделать... – пожимаю плечами, глупо улыбаясь. Жениться, конечно, не выйдет, но какой юноша ни мечтал о зрелой и опытной даме постарше, именуемой сегодня у нас также, как на западе, словом милфа...

– Ты познакомься сначала, – не унимается сестра, – потом говори. Если хочешь, могу её пригласить. Позвонить ей?

– Звони... – пожимаю я плечами с наивной улыбкой. Мне, признаться, было всё равно. В свои способности ловеласа не верю, да и она, как Марина сказала, возрастом старше. Ну на кой вот я ей сдался?

Но звонок был сделан, и буквально минут через тридцать в квартиру сестры заявляются две дамы. Одной на вид было лет тридцать пять, второй явно за полтинник выходило, но не больше шестидесяти. Первая – блондинка с шикарной фигурой, вторая – явно нерусская, вероятно, кавказских кровей.

– Вот, знакомьтесь, – говорит Марина и представляет нас друг другу. Звали её Сашей. Уже с первых минут почувствовал какое-то напряжение в воздухе. Явно мы с ней друг другу не понравились, но открыто говорить об этом не стали – зачем при друзьях и родственниках скандалы устраивать, правда? При этом не сказать, что она мне не подходила по внешности, да и тупицей тоже не была. Но в ней имелось то единственное, что раздражало меня в женщинах всегда – наглость. Саша вела себя вызывающе, громко и высокомерно.

но, постоянно кричала, перебивала, а коли что не так ляпнешь, не стеснялась и огрызнуться. Меня такие не устраивали раньше, не будут нравиться и впредь.

– Саша приехала из Луганска. Кстати, – обратилась ко мне Марина, – твоя четвероюродная сестра.

Тут я мысленно рассмеялся. Знай Марина, что я к её дочери пытался яйца подкатить, наверняка бы отрезала их мне, да тюрьмы не побоится. А тут вот тебе раз, и аж четвероюродная сестра попалась, с которой троюродная предлагала мне познакомиться.

– Ничего себе... – отвечаю я, – из Луганска? Что думаешь о войне на Донбассе?

Тогда я был по убеждениям верным путинцем и примерным патриотом, потому вопрос этот лично как по мне не был провокационным. Зато Саша на эту тему отреагировала болезненно, видимо, будучи не шибко радостной от пребывания на Донбассе повстанцев-шахтёров, ну, или российских войск. Кому как лучше.

– Ой, только вот давай без политики! – раздражённо отвечает она.

Я немного испуган такой её реакцией. Не успели познакомиться, и уже обидел? Поверить не могу! Улыбаюсь, дабы не показать волнения.

– Да и не собирался.

– Вот и славно! А то достали уже. Кому ни скажешь, что из ЛНР приехала, сразу начинают...

– Да ладно, ерунда, – отвечаю я, махнув рукой.

Вообще, если говорить честно, как видите, отношения у меня с ней не заладились с самого начала. Я со школы такой дерзкой бабы не видел. На каждую мою реплику что-нибудь, да съязвит, не забудет сказать, какой я плохой певец, неудачно пытавшийся спеть бессмертный хит Барыкина «Я буду долго гнать велосипед...» Впрочем, удалось с ней сфотографироваться, несмотря на Сашины протесты. Но... Химия наша с ней выходила такая, что на выходе получался раствор серной кислоты, не иначе. С каждой минутой обстановка становилась всё более напряжённой.

– Молодой человек! Вы про меня не забыли? – сказала та вторая нерусская с явным кавказским акцентом.

– Здравствуйте... – отвечаю я, немного смущённый.

– Вас как зовут?

Я назвал своё имя. Продолжаю:

– Приятно познакомиться.

– Мне тоже. Меня Мадина зовут.

– С Кавказа, я так понимаю?

– Да, из Баку.

Вообще, я думал, что она кто угодно: осетинка, армянка, грузинка – но уж точно никак не азербайджанка. Приятно только было, что на ней не было хиджаба или никаба:. Иначе в её присутствии водку пить... Ну, даже не знаю. Вдруг ещё оскорбится, взорвётся..?

Впрочем, если она и была мусульманка (что вряд ли), то

продвинутая. И свинину жрала за обе щеки, и водку с пивом хлестала, что чёрт знает, как всё у неё внутри помещалось. Даже удивительно было подобное видеть. Позже я изредка буду в своей жизни наткаться на таких. То тебе чеченка, отказавшаяся от своего вайнахского начала и не стеснявшаяся показывать свои фото ню, и дагестанка, любившая светить своими сиськами в видеочате. А про таких персонажей, как чеченка Айза Анохина, ингушская певица Рагда Ханиева, азербайджанка Мадина Тендерлибае или таджичка Дина Саева со всеми окружающими их скандалами, я вообще молчу. С другой стороны я был в курсе, что Азербайджан из всех мусульманских стран был самым светским государством после Турции, несмотря на то, что шиизм радикальнее суннизма в ревностной любви к Аллаху, так что удивляться особо было нечему. И там, и там приличное число атеистов, хотя казалось бы... Плохо это или нет, решайте сами. Я в подобной эмансипации женщин ничего невероятно ужасного, чтобы аж за голову хвататься, не вижу. С другой стороны не удивлюсь, если консервативно настроенные горцы со мной поспорят на тему того приемлемо ли это. Но с другой стороны а как от этих споров уйти, если об этом вообще заговорил?

Какой она была эта азербайджанка? Ничего выдающегося. Лет за пятьдесят уже, неухоженные волосы до плеч, типичный для кавказцев большой орлиный нос с горбинкой и тёмно-карие глаза, кожа вся уже начала покрываться возрастны-

ми морщинами, а живот украшала пара слоёв подкожного жира. По сравнению с сероглазой блондинкой Сашей выглядела она блекло.

«Стоп! Хм... А почему они вместе?» – подумал я, углубившись в собственные мысли. Вдруг одна неожиданная новость, никак не связанная с размышлениями, буквально вернула меня из глубин себя в мир наш.

– Саш, ты такая молодец же... Уже внуки появились.

Тогда я не придавал этому особого значения (хоть и удивился), тем более, что был занят, кайфуя от состояния опьянения. Но, чёрт возьми, что?! Ей на вид тридцать пять! Какие к чёрту внуки?! Может, оговорились? Может, у неё дочь рано родила? Может, я что-то неправильно понял?

Уже было собирался спросить, но тут проснулся троюродный брат Юра, а следом и сын его Сенька с моей крестницей. Всё было из-за того, что мы громко смеялись и орали в час ночи. И да простят меня соседи за участие в этом шабаше. Но лично мне было даже весело, потому прошу понять и простить.

С их пробуждения наши довольно миленькие посиделки превратились в лютый трэш.

– Юра, ты чего встал? Нам завтра уезжать с утра! – сказала Оксана.

– Так как уснуть, если вы здесь орёте?

– Да не орём! Мы тихонько сидим! – рассмеялась Марина в ответ так, что лошадь тише ржёт.

– Ладно, наливайте мне, и пойду спать!

– Куда наливать тебе? Завтра уезжаем же...

– Нормально! Наливай!

Тут же вбегает племянник. Маринка его спрашивает:

– Сень, а ты чего не спишь то?

– Так мы хотели уснуть, но ничего не вышло. Вы так громко шумите тут...

Оксана обнимает сына и целует в макушку.

– Ну, потерпи немножко. Не видишь, взрослые отдохнуть хотят?

Парень вроде всё понял, попил воды, кивнул и пошёл на боковую. Наши же алкогольные приключения только продолжались с новой силой, и дела пошли хуже некуда, так как Саша решила подкатить к Юрке прямо при Оксане. До этого подкатывала к ней самой, а после того как поняла, что Юрина жена не из числа любителей теребонькать чужие вареники, переключилась на него.

Юра же... Не сказать, что он хотел. Мы с ним отходили перекурить, и он то мне предлагал её оприходовать, то уже был полон мыслей о том, как бы её отыметь сразу в два смычка, так как сам был при виде неё довольно возбуждён.

– Юр... – говорю я, – но у тебя же здесь жена...

– Да пофигу, жена не жена! Главное, ты давай, чтобы сегодня её точно отчпокал!

– Я, конечно, попробую, но...

– Чтоб без но! – показал он на меня указательным паль-

цем, грозно поглядев тяжёлым, хмурым взглядом исподлобья, – не то я за тебя всё сделаю.

В этот момент я удивился, потому что ещё сохранял веру в то, что про два смычка это он для красивого словца, для того, чтобы меня мотивировать. Но, повторив это ещё раз, убедил меня в серьёзности своих намерений. Поэтому я тут же ему напомнил вновь уже более настойчиво:

– Юра, у тебя здесь жена и сын прямо в одной квартире! Какое в два смычка?! Да хоть в один! Не вздумай даже!

Тот махнул рукой. Видно было, что пропустил мимо ушей. Теперь мне стало абсолютно ясно, что мы находимся на пороге грандиозного шухера с вероятным адюльтером и, возможно, мордобоем...

Как вернулись на кухню, Юра пошёл спать дальше, а наши алкогольные посиделки всё больше начали походить на форменное безумие. То девчонки хотели в местный ресторан-клуб под названием «Дашенька» сходить, чтобы найти мужа Марине, то Саша начнёт приставать к Оксанке, не стесняясь честно признаваться в своих лесбийских наклонностях. То девчата танцевать начнут, притом не абы где, а прямо на столе. Я же всё больше начал откровенно тосковать и злиться на Сашу, так как она своим приходом превратила наши ламповые с Мариной и Оксаной посиделки в настоящую вакханалию с громкой музыкой и танцами прямо на столе. Притом, дискомфорт испытывал не только я. Саша тоже проявляла ко мне всё больше ноток недовольства, и

конфликт между нами стал разгораться всё сильнее. Спустя час в такой обстановке я уже молил, чтобы она взяла в подмышку свою подружку Мадину и свалила обратно в ноябрьскую приполярную стужу, откуда те и припёрлись из ниоткуда. Ещё немного времени, и мы с Сашей начали откровенно пререкаться, отчего я уже всерьёз спрашивал Марину, когда они свалят. Что до Мадины, она хоть и бедняжка, так как на фоне подруженции была совсем серой мышью, но тоже меня начала раздражать то ли своими неуклюжими попытками меня соблазнить в свои то почти шестьдесят лет, то ли своими скучными историями, как она на заре своей туманной юности шлялась по Баку, восхищаясь местными красотою. Раздражало меня ещё и то, что шумели мы невероятно громко. Я такое уж очень не люблю. А это ещё до кучи стало причиной того, что Сеня с моей любимой крестницей Олей не могли уснуть.

В итоге так и вышло, что дети проснулись. В принципе за всю вечеринку прибежали раза три или четыре, чтобы достучаться до взрослых и сказать, что из-за создаваемого нами шума не могут уснуть. Чтобы отдохнуть хоть чуть-чуть от этой вакханалии, я пошёл в детскую укладывать карапузов. Там рассказал им по просьбе жалкое подобие на сказку, удостоверился, что закрыли глаза, и пошёл обратно. Но был уверен, что в таком шуме уснуть они не смогут.

Когда вернулся, вновь проснулся Юра. Удержаться от алкоголя и веселья не смог, потому опять появился на кухне.

Это означало только то, что сейчас по любому начнёт к Саше свои бубенцы подкатывать. Я видел, как напряжённо Оксана смотрит то на неё, то на своего мужа, поэтому решил во что бы то ни стало не дать Саше соблазнить Юру, ибо просто не представлял, как можно поддаться соблазну и оттрахать малознакомую курицу в соседней комнате, пока их охи и ахи будет слушать Юркина жена. С другой стороны, вспоминая мою бывшую подругу Дашу, которой бывший изменял прямо за стенкой, понимаю, что люди бывают разные: некоторые сделают, потому что хотят, а некоторые схавают со слезами на глазах, потому что любят.

Получалось у меня быть ловеласом, признаться, плохо. Мои подкаты в полупьяном угаре больше походили как попытка взять Сашу на слабо. Но я делал всё, чтобы отвлечь их с Юрой друг от друга, чем изрядно её взбесил. С появлением моего троюродного брата на кухне она явно оживилась, преисполнившись желания потрахаться с ним, а тут такой облом в виде меня. Суть нового спора с ней не запомнил, но закончилось всё очередной попыткой взять её на слабо.

– Да что ты можешь то? – начинаю быковать на неё, – у тебя кишка на всё тонка.

– По роже тебе врезать не тонка! – отвечает Саша, – хочешь попробовать?

– Ты? Мне? – я усмехнулся, – ну, давай! Попробуй. Я даже в ответ бить не буду. Я девочек не бью.

Та фыркнула в ответ:

– Сейчас покажу тебе девочку...

Подставляю лицо. Саша усмехается.

– Так ты ближе подходи. Чего боишься?

Я бесстрашно приближаюсь. Марина глядит на всё это и паникует.

– Да не приближайся к ней, огребёшь же...

В ответ ваш покорный слуга махнул рукой и продолжил приближать щёку, думая, что ничего мне не будет. Максимум, что она сделает, это пропишет леца. И каково же было удивление всех на кухне, когда вместо этого она размахнулась и врезала мне локтём по левой скуле, а потом обхватила рукой мою шею и начала душить аки боец UFC. Нас тогда еле разняли, до того серьёзно Саша подошла к делу в попытке доказать, что я не с той связался.

– Ну, вот говорили же... – возмущённо сказала Марина, вытащила из морозилки кусок замороженного мяса и дала мне, – приложи.

– Не хочу.

– Приложи, не то потом синяк будет...

Я гляжу на Сашу и улыбаюсь.

– Шрамы украшают мужчин... – и подмигнул ей.

– Ещё хочешь? – спрашивает она.

– Ой, – махнул рукой, – бьёшь как девчонка. Прямо, типично, – потом ухмыляюсь и добавляю, – надеюсь, трахаешься лучше...

Саша рассмеялась.

– А ты хочешь проверить?

– Да.

– Ну, давай.

– Давай.

Правда, поначалу мы никуда не пошли, ведь наша неприязнь друг к другу пока не улетучилась. Зато мой напор ей понравился. Так ещё несколько минут мы подмигивали друг другу и кивали в сторону спальни, пока она, наконец, не встала и не пошла. Я на секунду удивился, но не растерялся и двинул за ней. Народ вслед нам улыбался. Все кроме почему-то Мадины.

Это надо было видеть, как грациозно она шла по коридору, кончиками пальцев чуть дотрагиваясь до стен, а также игриво виляя попкой. Интересно даже, кем она себя представляла в тот момент... Наверно, какой-нибудь героиней мелодрамы или американского любовного романа. Выглядело бы это чертовски сексуально, если бы не происходило в полуразваливающемся постсоветском доме полузаброшенного посёлка с трескающимися стенами и отваливающимися от влажности обоями, да и она не голливудская звезда, а фактически деревенщина. Так что я с тех пор её называл в общении с друзьями не иначе как её величеством императрицей колхоза. Не посчитайте это насмешкой над ней. Наоборот, мне очень льстило, что она своей вальяжной походкой пыталась меня соблазнить и возбудить. Но не в такой окружающей действительности же!

И вот мы в гостиной устроились на диване почти во мраке. Лишь чуть-чуть помещение освещали лампы с кухни, давая нам призрачные отголоски света, но позволяя видеть очертания друг дружки. В этой полутьме она легла, а я устроился сверху. Мы начали целоваться. Делал я это как всегда жадно и страстно как зверь, будто в последний раз. Но Саша меня резко остановила.

– Нет. Давай нежнее.

И вновь поцелуй. Я делаю это медленнее. Она не унимается.

– Ещё нежнее. Как будто ешь мороженое.

Аналогия, честно говоря, была мне абсолютно непонятна. Я, если ем мороженое, то или кусаю его большими кусками, или жду пока подтает, а потом ем ложкой подтаявшую массу. Когда был совсем ребёнком, облизывал мороженое, как леденец. Но чтобы губами и чтобы было сравнимо с французским поцелуем, то нет – так я мороженое никогда не ел и не понимал, как это возможно. А даже если бы, то делал бы это быстро и без всякой нежности. Это же продукт, а не латексная имитация женских губ...

Так что я начал целовать ещё медленнее, пока её не устроил конечный результат. Вообще поцелуи с ней были самыми уникальными из всех, что я испытывал в принципе в жизни. Мы не столько облизывали языки друг друга, сколько медленно и нежно тёрлись губами. Ощущения... Нет, не плохие. Наоборот, приятно. Просто это было странно и удивитель-

но от того, что раньше я ничего подобного не испытывал. И, признаться честно, я бы с радостью ощутил вкус её губ вновь, и именно так, как это было тогда.

Потом настало время оголяться. Она уже сняла лифчик, а я рубашку. Уже начал, было, расстёгивать её ремень на брюках, но вдруг почувствовал пронзающий материю дикий от злобы и зависти взгляд. Я поднял глаза. Это Мадина выглядывала из-за угла, не скрывая своего раздражения. Её оскал, освещаемый тусклым светом с кухни, придавал даже некоторую зловещность. Глаза же у неё блестели ярчайшим огнём ярости и зависти...

Чтобы не возникло лишних вопросов, сразу скажу. Нет, закрыть дверь я не мог, потому что двери в гостиную не было в принципе. Остальные комнаты были или детьми заняты, или на них собирались спать другие, и трахаться на диванчике, где ложились Юра с Оксаной, было как-то не комильфо. В конце концов, сюда нас сразу повела Саша. И очевидно было, что я, по всей видимости, мог оказаться далеко не первым, кто следовал за ней по этому коридору. Такая вот квартира, такие вот условия...

– Вот же шлюха... – прошипела она, глядя на нас.

Это тут же услышала Саша. Оттолкнула меня, начала вставать и одеваться. Я решаю не отступать.

– Слушай, может продолжим, а? Я тебе куни сделаю.

– Заткнись, сука! – слышу в ответ Сашино шипение.

Она быстро застегнулась, встала и ушла на кухню, очевид-

но, не пожелав выглядеть шлюхой в глазах Мадины. Хотя на что надеялась, когда вела меня в комнату с проходом, где нельзя было закрыть дверь, не знаю. Я в итоге огорчённый сижу с поникшей головой и злюсь на Мадину: «Да что с тобой не так, поганая ты тварь!!!»

Одевшись, пошёл на кухню. Там уже Саша с ней переругивалась.

– Я всё ему расскажу.

– Что расскажешь?! У нас ничего не было!

– А что собирались делать? – хитро ухмыльнулась Мадина, – только за дуру меня не держи.

– Ой, да иди ты в жопу!

– Обязательно пойду, но прежде расскажу.

– Кому расскажешь?! – раздражённо спрашиваю я Мадину, испепеляя её своим взглядом. Собака такая лишила меня возможности потрахаться, и разговаривать с ней как с человеком я был не намерен...

– Мужу своему, – хитро улыбнулась она в ответ.

– Мужу? – удивляюсь я.

Потом мне рассказали, в чём сыр-бор был, и в чём-то история отдалённо напоминала сериал «Великолепный Век». Оказывается, Саша, когда переехала из Луганска в Лоухи, сразу же подцепила мужа Мадинки, тоже азербайджанца по национальности, видимо, возомнившего из себя султанчика, желавшего состряпать у себя дома гарем. Он и возымел наглость привести Сашу домой, сделав, считай, любимой женой.

И сложно сказать, что тут сработало. Или его законная жена побоялась от мужа уходить, не желая оставаться одной без поддержки там, где она никому не нужна. Или же она не смела никак препятствовать решению мужа завести себе любовницу, так как в восточных, исламских семьях привести домой другую, если можешь прокормить всех, не порицается. Там и гарем можно, и вторую, и четвёртую жену, а кому-то и этого, видимо, мало, оттого в среде русских националистов и появляются шутки про зоофилию у кавказских джигитов. Не знаю, какой вариант был более близок к правде. Думаю, сыграло свою роль и то, и то. Но, прежде всего, в судьбе Мадины проявилась типичная участь восточной женщины: безропотно послушной, безвольной, в душу которой мужчина имеет право нагло плевать, приводя домой вторых и третьих жён, потому что ему так в одних аятах Корана позволил делать Аллах; а в других требовал первую жену тоже любить – вот он и плюёт, и любит одновременно, притом, что подобное и любовью назвать нельзя. Восточная женщина, воспитываемая с пелёнок всегда и во всём зависеть от мужчины, никак не сопротивляется угнетению, страшась более голода и одиночества, а потому понимает, что если не в силах удовлетворить своего суженого во всех его желаниях, то ей остаётся лишь смиренно принимать возникающую фатальность в виде наложницы или второй жены, в бессильи соглашаясь с судьбой, что она не сможет изменить решение мужа и оставаться для него единственной и самой любимой. Так и

Мадина; боюсь представить, сколько ей пришлось пережить слезливых ночей, слушая Сашины стоны и всхлипы в состоянии оргазма, пока этот кобель, называемый несчастной Мадиной мужем, трахает новую сожительницу во все щели, не стесняясь, что за стеной у него всё ещё есть его законная и вполне живая физически жена. Тогда я ещё не понимал и не знал особенностей исламской или тюркской культур, поэтому насмеялся над Мадиной: сильная женщина всегда возьмёт судьбу в свои руки и не станет терпеть подобного издевательства над собой, притом, что это даже ни разу не про западный, либеральный феминизм за право быть шлюхой, но не называться ею, а про банальное уважение к себе как к человеку, который имеет право на единоличное владение своим мужчиной по закону Божьему аналогично тому, как верующие обязаны любить единственного Бога, а не тысячу языческих идолов. Сейчас же я могу её понять с оглядкой на менталитет и религию, поэтому мне теперь Мадину искренне жаль, так как по сути у неё из-за страха в глазах остаться никому не нужной не было выбора. Она не имеет права отказать мужу. Она может только слепо подчиняться. И она подчинялась его решению, потому стойко терпела Сашу в своём доме, а позже, как потом сама говорила, даже подружилась с ней. Ну, а как иначе, если от мужа уходить не хочет, а её кобель прогонять любовницу вон не намерен?

Тут же снова проснулся Юра. Он уже был никакой, ему бы спать, да спать, но вместо этого он принялся снова пить

водку. Тут же накинулись и мы. Начали танцевать. А потом произошло неожиданное. Саша без всякого стеснения прямо при Мадине садилась ко мне на колени, танцевала со мной, а во время танца тёрлась своими ягодицами о мой пах, целуясь уже без всякого стеснения прямо при всех. Я этому, разумеется, не сопротивлялся, но вопросы оставались. С чего это вдруг она так резко сначала при Мадине отказывается со мной трахаться, а теперь чуть ли не захотела попытается совокупиться прямо при всех здесь на кухне? Ответа на эти вопросы я не знал тогда, не хочу знать и сейчас.

Но, как вы уже поняли, тут иного варианта быть не могло. Спустя некоторое время мы вновь пошли в гостиную. Всё сначала повторилось, но потом пошло дальше. Почти пошло, потому что на пути у меня стояла упрямая пряжка её ремня. Конструкция там была столь замысловатой, что открыть её я не мог, как бы ни старался. Пришлось Саше помогать. А как справились там уже стянул с неё трусики, и вот...

Я раздвинул ей ноги и смело уткнулся лицом в вагину, но успел полизать её клитор совсем чуть-чуть. Только я начал, она дико охнула, затряслась и резко оттащила меня назад. Признаюсь, никогда не наблюдал подобной реакции на кунилингус, потому что она явно кайфанула, но будто ужаснулась этому удовольствию, либо же ей такого уже давно не делали, потому отвыкла. Иного объяснения такой реакции у меня нет. Потом Саша говорит:

– Нет. Давай сразу член.

А вот этого я делать и не хотел, ибо случилось со мной такое впервые. Не знаю, почему. Может, переволновался, ну или водки слишком много выпил. Короче говоря, как бы ни старался заставить член стоять, он делать этого никак не хотел. В момент, когда пришло время засунуть, понимаю, что ничего не выйдет. Тихонько и жалобно вою:

– Не стоит...

Саша не растерялась. Взяла мою опущенную колбаску и засунула в себя. А я уже в таком состоянии и принялся её трахать. Но это, конечно же, был не секс. Это было нечто смехотворное, когда я молил Бога, чтобы мой сухарь встал, но этот предатель ни в какую не хотел слушаться, отчего я в тот день стал убеждённым атеистом. В конце этого позора Саша спросила:

– Я уже кончила. А ты?

– Я тоже.

На этом всё закончилось. В такие моменты задаёшься вопросом, как быть. Ждёшь секса целый год, потому что никто не даёт, а тут раз тебе, и когда выпадает шанс, эрекция тебя подводит в самый ответственный момент. Позже это будет со мной ещё не раз, но именно тот я буду считать самым досадным. Знаете, ведь иногда милфа, это просто кайф для подростка или молодого человека. Иногда же хочется попробовать ради любопытства, действительно ли женщина как вино – с годами становится только лучше? И тут тебе такой облом. Обидно. Впрочем, по её реакции было видно, что она далеко

не в первый раз сталкивается с нестоячими писюнами. Да и вообще мне показалось, что ей понравилось. Скорее всего, тут сыграли свою роль два момента: во-первых, я был моложе, и ей наверняка льстило, что она смогла затащить в постель курсанта сексуальных войск, а, во-вторых, её странная реакция на мою попытку сделать куни, лично мне говорила о том, что моё желание сделать ей такую приятность порадовало её самым фактом, раз я вообще стал ей такую приятность делать. Именно поэтому, я думаю, она и осталась довольна.

Дальше мы снова пили. Я вновь переругивался с Мадриной, решившей надавить на мою совесть, мол, переспал с сестрой, пусть четвероюродной, но сестрой. В тот же момент и хотел её упрекнуть в том, что она неспособна была заставить своего мужа хранить ей верность, но меня тогда остановила Маринка. Ну а потом несчастная азербайджанка сама увидела, что значит защищать то, что по праву принадлежит только тебе.

Саша, явно неудовлетворённая пародией на секс в моём исполнении, начала вновь лезть к Юре. А он не шибко и сопротивлялся. Это в свою очередь уже увидела Оксана. Заметив, как её муж с Сашей заперлись в ванной, где к слову была импровизированная курилка (не спрашивайте меня, зачем она там, так как я согласен с тем, что идея максимально тупая, и туда просто невозможно было зайти из-за задымлённости и плохой вентиляции), она не стерпела.

– Ну, уж нет! Не позволю!!!

Оксана резко вскочила с места, подбежала к двери в ванную, вырвала её вместе с защёлкой, со всей силы рванув за ручку и начала кричать на Сашу и Юру, активно размахивая руками, будто хотела ударить. В тот момент, конечно, удивились все. Мало того, никто не понимал, как ей хватило сил вырвать дверь, но ещё сильнее лично я офигел с того, сколь много гордости и уважения к себе у неё было. Вот это и была та самая русская женщина, что коня на скаку остановит и в горящую избу войдёт! А ещё от мощного крика её у нас немного даже поджилки затряслись.

– Да как ты смеешь, тварь, прямо при мне трахать эту суку?! У тебя ребёнок в соседней комнате спит! Пожалей хотя бы их!

Она чуть ли не лезет на Сашу с кулаками. Та же, как и Юра, кричит в ответ, что ничего они там делать не собирались. Она слушать ничего не хочет, и добрый муженёк прописывает ей леца. Тут же подскакивает Марина, отталкивает Юру от Оксаны. Он замахивается уже на неё.

– Сестру свою ударишь?! – кричит на брата Марина вся в слезах. Тут же на крики выбегают дети, все кричат и плачут, пытаюсь Юру успокоить. Эта же собака не то, что успокаиваться, но даже громкость лая снизить не могла, кукарекая что-то про «тварь дрожащая или имею право».

Выждав момент, я подошёл к Юре сзади и попытался неуклюже заломать его, чтобы он от греха подальше не избил жену. Тот вырвался.

– Ты чего творишь?! – возмущается он в мой адрес. Я пытаюсь схватить его вновь, чтобы спасти его жену и сестру от него самого. В этот момент он срывается и бьёт мне по лицу. Точнее пьяная морда пыталась по мне попасть, но ничего не вышло.

Я одновременно удивился и сильно разозлился, потому сдерживать себя не стал. Несколько раз врезал Юре по морде, и тот почти упал. Я был готов остановиться, но он полез снова, потому пришлось ему вновь навалить, но в этот раз между нами встали Марина, Оксана и Саша с детьми, стараюсь разнять всеми силами. Когда им это удалось, успокоить невозможно было уже меня: раз Юра не унимался, нужно было его безоговорочно увалить, чтобы точно не встал. Но тут на финал потасовки повлияла Саша, крикнув на меня:

– Успокойся!!!

Каким-то чудом я стал тише воды и ниже травы. Впрочем, и у Юры после тумачков пропало желание бить своих жену и сестру, поэтому он с Оксаной заперся в другой комнате разбираться в своих отношениях, Марина пошла укладывать детей, а мы с Сашей пошли на кухню, где она, немного успокоившись, заявила:

– Больше никогда не буду пить водку.

И эта фраза могла бы стать концом истории. Отличным и поучительным концом, что алкоголь до добра не доводит, но нет.

Чуть позже мы с Сашей легли спать. Там я честно при-

знался ей, что переживал уже подобный опыт, когда мой отец ради шутки решил сказать матери, якобы изменял ей. Она восприняла всё всерьёз и чуть не перерезала себе вены, от ощущения горя и предательства человека, которого беззаветно любила, но при этом уважала себя. Я помнил, как маленьким, стучался в дверь и плакал, умоляя маму открыть дверь ванной и не делать глупостей; как отец выбивал эту самую дверь, чтобы не позволить своей жене свершить глупость. Обо всём этом рассказал Саше. Она улыбнулась в ответ и сказала коротко и ясно:

– Понимаю.

А дальше мы продолжили делать друг другу приятности. Например, сосали друг другу пальцы. А вот на куни согласиться я её уговаривал, но она всё равно не захотела.

Утром я проснулся раньше. Пошёл и почистил зубы, так как во рту будто кот кучу наложил. Марина, Оксана и Мадина не спали, обсуждая свои дамские вопросы. Последняя попросила меня поднять Сашу. Я и пошёл.

Разбудив, стал свидетелем таких её слов:

– Юр, ну, между нами всё равно ничего не вышло бы ведь, да?

Из этого я сделал вывод, что не просто так они там всё-таки запирались, притом, что после скандала, устроенного Оксаной, говорили иначе. В ответ спрашиваю:

– Чего?

Саша резко разворачивается и пытается меня найти.

– А где мой покемон?

– Я здесь! Покемон, блин... – отвечаю ей. Смеёмся и целуемся.

– Я так думаю, телефонами обмениваться не будем? – улыбнулась Саша. Я лишь улыбаюсь в ответ и пожимаю плечами. Сама пусть решает, нужен ли я ей буду дальше или нет.

Когда Саша и Мадина уходили, вторая не забыла подпортить настроение первой.

– А про то, что у тебя сегодня с ним (кивает на меня) было, я ему (её мужу) всё-таки расскажу... – и хитро прищурилась.

– Да зачем ему об этом рассказывать?! – кричит на неё Саша. Так и ушли. Подробностей дальнейших не знаю, но удивился только, что муж Мадины Саше её происхождения, видимо, уже прощал. Моя новоявленная любовница как пить дать уже не в первый раз при Мадине с другим мужиком «тусовалась». Неужели про все предыдущие разы она молчала? Думаю, нет. А это значит, что её муж азербайджанский был не только бабником, но и куколдом очевидным.

Дальше я пошёл завтракать. На меня там с улыбкой смотрела Марина.

– Ну как всё прошло? – спрашивает она с ухмылкой.

– Более-менее...

– Это тебе сейчас так кажется. Вот если забеременеет, по-другому говорить будешь.

– Не забеременеет, – отвечаю я с досадой, – у меня всё равно член не встал.

У Марины чуть глаза на лоб не налезли.

– Ну, знаешь... Мне такие подробности знать было ни к чему...

Я быстро понимаю, что зря это сморозил. В полупьяном и полусонном бреду мне поначалу показалось, что успокоить сестру было не самой плохой идеей. Мол, не волнуйся, племянников увидишь ещё нескоро. Быстро исправился.

– Ладно, извини...

– Да ничего страшного. Просто, знаешь ли, она сейчас уже с внуками нянчится, а ты бы ей ещё детей подарил...

– Что? – удивлённо спрашиваю я, – какие внуки?

– Обычные.

– Стоп! А сколько ей тогда лет?

– Сорок семь.

– Сорок семь?!

Сказать, что я был в шоке, это не сказать ничего. Я то думал, что милфа мне попалась на минималках, начинающая, стартовый пак, так сказать, ибо на вид она действительно выглядела на тридцать пять, сколько я ей и дал при встрече, ей Богу не вру! К тому же меня тогда спутало то, что Оксане и Марине тоже каждой плюс-минус тридцать пять было. Из этого я исходил, отсчитывая возраст. А теперь оказывается, что милфа мне досталась наиболее выдержанная из самых глубоких погребов Парижа, будто самое дорогое и лучшее вино во всей Франции от Шампани до Тулузы! Разве это не круто с одной стороны и не грустно с другой, что я так и не

смог подарить ей незабываемый секс с молодым и полным либидо парнем, о котором она в силу возраста, скорее всего, и мечтать не могла? Эх... Будь проклята водка и те, кто её придумал!

Где-то за час до полудня снова проснулся Юра и начал ругаться с Оксаной, да пить водку. Понимая, что в таком состоянии он обратно до дома меня не довезёт – быстрее разобьётся с бодуна, я вызвонил родителей, чтобы приехали и забрали меня, да Оксанку с Сеней. Уж больно я боялся, что Юра не успеет к вечеру протрезветь, и поведёт машину пьяным, а ехать было более ста километров по малоосвещённой дороге, ибо полярная ночь уже постепенно начинала преобладать над солнечным днём.

Пока ждал их, успела после ночных посиделок у подруг вернуться домой Маша. И когда узнала, что произошло, только сухо отвечала:

– Слава Богу, меня здесь не было.

И я бы с радостью сказал, мол, на этом театр абсурда закончен, расходитесь по домам, но меня этот круговорот расейанского мусора в головах отпускать не желал. Правда, узнал я о возникших проблемах не сразу. Чтобы тайное стало явным, прошло достаточно времени.

А началось всё с того, что Юра перестал со мной здоро-

ваться. На улице ни здравствуйте, ни до свидания, даже руку пожимать перестал. Однажды вообще Юрцу хватило ума психануть прямо при моём отце, когда я вежливо попросил нормально, по-человечески пожать мне руку. Дошло даже до того, что отец с ним серьёзно говорил, спрашивая, всё ли в порядке между нами, есть ли у него ко мне какие-то претензии. Тот отвечал, что всё в порядке, но лучше относиться не стал.

Вторым звоночком стало то, что Сеня, раньше часто приходивший в гости, перестал нас посещать, так как, видимо, родители просто его не отпускали. А следом произошло страшное. Марина мало того, что сама не отвечала мне в сообщениях, так ещё и запретила мне приезжать на день рождения крестницы. Причину я не понимал до последнего. Ну, правда! Что случилось? Чего они на меня так взъелись? Какое такое страшное зло я им сделал, что они в один прекрасный момент просто решили взять и разорвать со мной все родственные связи?

Более того, запомнились мне навсегда слова батюшки, который крестил. Учитывая, что родной отец из семьи ушёл, оставив Марину с ребёнком на руках, слова его о том, что мне нужно стать для неё не просто близким человеком, но вторым отцом, я запомнил навсегда и был готов выполнять свои обязанности лучше родного горе-папаши, раз тому было важно только свой сухарь во влажную щель засунуть, но ответственности на себя не брать. Помню день крещения по-

минутно: как от батюшки перегаром разило за версту, как крестница ещё утром меня стеснялась, а уже вечером садилась мне на колени, будто я действительно ей родной, как спрашивал её, когда в школу пошла, как она учится, а та застенчиво рассказывала про то, что получила четвёрку на уроке, заставив меня широко улыбаться от умиления, как прыгала от счастья, когда привёз ей в подарок плюшевого медведя. Всего этого счастья, всей этой любви меня лишили в одночасье, грубо говоря, росчерком пера. Но почему?!

Ответ оказался до смешного прост. Узнал я об этом спустя три года инсайдом. Но прежде напомним, что тогда, приехав к Маше на день рождения, я хотел идти с ней и её подругами, а не оставаться с Мариной и Оксаной, поэтому настойчиво напрашивался продолжить день рождения с Машей. Она об этом рассказала своей маме, а та уже передала инсайдеру суть обвинений в мой адрес, мол, я к Маше приставал, оказывается!

Что значит слово «приставал» в речи обывателя? Домогался! Марина решила, якобы я домогался её дочери, поэтому запретила мне общаться с крестницей и Машей. Заодно рассказала Юре и Оксане, а те запретили уже Сене не то что общаться, а даже здороваться со мной на улице. Да и сами тоже, как я уже рассказывал, здороваться перестали, как Юра, например. Так мои родственники предали меня остракизму. Говоря на современном сленге в свете всей этой новой лево-либеральной повесточки, культурно отменили. И всё по-

тому что кому-то вроде как что-то там показалось.

Первым делом стоит отметить, что Марину я понять могу. Она мать-одиночка, воспитывающая двоих дочерей. Защиты им попросить негде, так как ни отцов, ни братьев нет, от реальных педофилов, да и в принципе от кого-либо никто не защитит. Она ещё тогда сетовала, что в их городе даже участкового не оставили, потому была так напряжена в отношении детей. Плюс, насмотрится всякий раз передач типа «Пусть говорят!» с Малаховым, где истории о педофилах и ранних беременностях не редкость, да навяжет самой себе в своём воспалённом мозгу идею, что все вокруг это педофилы, коих нужно опасаться, а потому так легко воспримет любую клевету, любой абсурд, связанный с этой тематикой.

Но чего я не только точно не мог понять, но и сильно возмутился, так это клеветой Маши в мой адрес. Никогда плохо к ней не относился, не грубил, гадостей не писал, подстав не делал, и тут такое. Узнав о том, в чём меня обвиняют, решил Машу спросить напрямую, какие претензии есть у неё ко мне. А если есть, писать заявление в полицию за домогательства к несовершеннолетним. Она в ответ сначала говорила, мол, не понимает, о чём я говорю, а потом призналась про то, что информацию о моих «домогательствах» Марина получила от Машиной подруги, которой тогда категорически не понравилась моя настойчивость в попытках пойти праздновать её день рождения с ней и подругами, нежели оставаться с Мариной и Оксаной, обсуждая житейские скуч-

ности. Тогда же я и вспомнил, что в тот день, когда звонил Маше с просьбой взять меня к ним, отвечать за неё мне начала какая-то из её подруг, мол, что я себе позволяю – проситься к ним. Видимо, она Марине и донесла, а та уже в своей воспалённой фантазии решила, что я к её дочери приста- вал, то есть домогался.

Разговаривать со мной, разумеется, никто не стал. Разве что Маша только за подругу извинилась, да и всё. Никаких просьб о прощении от Марины, Юры или Оксаны не последовало (да и я не требовал), а про существование племянни- ков и крестницы я уже и позабыл, считай. За всё время никто из них даже и не подумал поговорить со мной на эту тему, попытаться разузнать, так ли всё было на самом деле. Я же настолько был оскорблён тем, как Марина ко мне отнеслась, хотя в своё время её от Юриных пьяных кулаков защищал, что обсуждать уже с ней что-либо не захотел. Во мне разыгра- ли гордыня и, как следствие, нежелание перед этой гадиной как-либо оправдываться. Мало того, что сама поверила кле- вете, так ещё и, не удостоверившись в истинности обвине- ний, рассказала про мои «приставания» к Маше Юре и Ок- сане. А они уже в свою очередь тоже поставили на мне крест, как на человеке, тоже ничего не проверив.

Повторюсь, меня просто отменили без права на оправда- ние и реабилитацию. На их воображаемой доске позора моя фотография была самой большой и выделяющейся. Теперь ни о помощи, ни о даже о возможности просто поговорить

с родней по душам я рассчитывать не могу. Особенно издевательски для меня в момент воспоминаний об этом звучат строчки из фильмов серии «Форсаж», где Доминик Торретто сказал, что нельзя отворачиваться от семьи, даже если семья отвернулась от тебя. Это что получается? Тебя твои любимые родственнички могут обосрать и обоссать с ног до головы, а ты не имеешь права даже возмутиться в ответ? Мало убить того сценариста, кто писал Вину Дизелю этот монолог за подобную мораль, потому что нет, господи! Если семья от тебя отвернулась, даже не удостоверившись, что ты действительно перед ней виноват, стоять к ней лицом просто бессмысленно. Умейте уважать себя, учитесь любить себя, ведь вы – не та азербайджанка, смирившаяся с тем, что её муж и любовница теперь до конца дней будут вытирать о неё ноги. Вы – свободный человек, имеющий право на достойное отношение, если не творили зла близким! А плюнуть в лицо вам и жизнь успеет, а не только ваши родные, кого вы искренне любили и уважали.

Ну, а если так, то я чего должен перед ними пресмыкаться? Пусть думают уже, что хотят. Лучше относиться точно не станут. Особенно Юра. Он вообще после того, как я ему рожу начистил тогда, обиделся на меня ещё тогда. А раз он так поступает, чего я должен к нему относиться лучше? Да пусть вообще все идут лесом! Я не Мадина и не бесправная мусульманка, чтобы всё это терпеть. Я уважающий себя человек и право имею, а не тварь дрожащая! Так что пойду даль-

ше по жизни сам с гордо поднятой головой. Уж лучше одному, чем в окружении клеветников, решивших осудить тебя, даже не заслушав аргументы стороны защиты. Так определённно будет лучше. И не только мне.

Что имеем по итогу? Я занимался сексом со своей 47-летней четвероюродной сестрой, по пьяни избил своего троюродного брата, а также якобы домогался до своей несовершеннолетней троюродной племянницы, в результате чего стал нежелательной персоной в их санкционном списке. По итогам со своей уже двоюродной сестрой, обсуждая эту историю, был полностью согласен. Я собрал настоящий флеш-рояль для участия в телепередаче «Пусть говорят», оказавшись инцестником, насильником, латентным педофилом, геронтофилом и пьяным дебоширом в одном лице. И то, что моя история до Андрея Малахова ещё не добралась, есть самый величайший его творческий провал за всю карьеру. Я в этом абсолютно уверен.